

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
Глава I. Молитва как феномен русской поэзии	11
Стихотворная молитва: законы архитектоники.	
Онтология сакрального имени	16
Молитвенные просьбы	22
Молитвенный дискурс	26
Элементы богослужбного цикла в молитвенной лирике русских поэтов	35
Стихотворная молитва в контексте поэтической системы	46
Глава II. «Отче наш» в русской лирике	57
Поэтика переложений «Отче наш» в русской лирике ...	57
«Отче наш»: святость имени в художественном мире А. Куприна и М. Цветаевой	72
Глава III. «Боже, Царя храни!» История подражаний и переложений гимна Российской империи	81
Глава IV. Молитва в лирике А. С. Пушкина	98
Молитва в художественном мире А. С. Пушкина	98
Ритуальное молитвословие в эстетическом преломлении	104
«Молю тебя, мой добрый домовой»: охранное слово о родной обители	112
Послание «И. И. Пущину»: молитвенное озарение страждущего	118

«Отцы пустынноики и жены непорочны...» и пасхальный цикл А.С. Пушкина 1836 г.	123
Глава V. Молитвенная лирика М. Ю. Лермонтова	139
Молитва в художественном мире М. Ю. Лермонтова	139
Молитва поэта: поэтика «Молитвы» 1829 г.	152
Поэтика шутивных молитв Лермонтова	159
«Молитва» перед иконой Божьей Матери	166
«Молитва» о молитве	175
«Благодарность» 1840 г.: поэтический вызов миропорядку	179
Поэтика М. Ю. Лермонтова в молитвенной лирике Серебряного века	182
Молитва поэта: природа молитвенного диалога А. А. Ахматовой и М. Ю. Лермонтова	182
Молитвенный дискурс в лирике С. А. Есенина (на материале 1-го тома собрания сочинений 1925 г.) ...	187
Глава VI. Молитвенная лирика Ф. И. Тютчева	195
Молитва в художественном мире Ф. И. Тютчева	195
«Пошли, Господь, свою отраду...»: молитва в век безверия	201
Как пережить утраты: молитвенная онтология слова	208
Молитва о страдании: «Есть и в моем страдальческом застое...»	212
Молитва и старческая сварливость: «Когда дряхлеющие силы...»	219
Глава VII. Молитвенная лирика Ю. В. Жадовской	225
Заключение	247
Литература	253
Фильмография	270

*Маме,
Людмиле Алексеевне Араевой,
с любовью*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая монография — результат многолетней работы над исследованием поэтики русской стихотворной молитвы. Первые статьи автора по этой теме были опубликованы в 1990-е гг. В 1999 г. вышла антология «Русская стихотворная молитва XIX века»¹, которая стала дополнением кандидатской диссертации «Русская стихотворная молитва XIX в.: логика жанровой эволюции». Постсоветское литературоведение требовало аргументированной методологии исследования текстов с религиозной проблематикой, которая активно начинала входить в сферу филологических разысканий российской науки. Веским аргументом в пользу существования жанровой модели стихотворной молитвы и молитвенного дискурса русской лирики перед защитой кандидатской диссертации мог послужить сборник стихотворений, построенный по принципу академических изданий. Тексты, которые вошли в антологию 1999 г., были отобраны методом сплошной выборки. На протяжении многих лет в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, а также в сибирских архивах Томска, Кемерово шла работа по систематизации стихотворных молитв, созданных русскими поэтами. Исследовались не только академические издания и собрания сочинений, но и прижизненные публикации писателей, доступные рукописные источники, что давало основание для необходимых текстологических сравнений, так как в советское время тексты с религиозной проблематикой нередко подвергались трансформации или просто игнорировались их существование. Отметим, что в издательской практике начала 2000-х гг. очевиден был интерес к стихотворной молитве. В 2012 г. издательство «Вече» публикует

¹ Русская стихотворная «молитва» XIX века. Антология / Вступит. ст., сост., примеч., библиография Э. М. Афанасьевой. Томск: СТТ, 2000.

антологию «Молитвы русских поэтов XI–XIX веков» (автор-составитель В. И. Калугин). В 2015 г. в серии «Библиотека всемирной литературы» выходит антология «Молитвы русских поэтов» (составитель В. Л. Коровин). А в конце 1990-х был опубликован труд К. Е. Скурата «Христианское учение о молитве и ее значение в деле нравственного совершенствования»², на рубеже веков в большей степени известный в кругу богословов, а при переиздании ставший явлением и общекультурной жизни.

Предлагаемая монография во многом обобщает авторские исследования, посвященные изучению молитвенной лирики. Композиция книги обусловлена формированием представлений у читателя о стихотворной молитве как о лирическом феномене. Открывается исследование теоретической главой, в которой проведен анализ поэтики стихотворной молитвы и дана характеристика молитвенного дискурса. Отдельные главы посвящены творческому осмыслению русскими писателями христианской молитвы «Отче наш» и истории первого национального гимна России «Боже, Царя храни!», в основе которого — охранное молитвенное слово. Далее следуют главы, посвященные молитвенной лирике А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и Ф. И. Тютчева в контексте художественной картины мира каждого из писателей. Творчество этих поэтов во многом определило не только становление русской литературной классики, но и утверждение молитвенного дискурса русской лирики.

О финальной главе монографии нужно сказать отдельно. С нею связана история знакомства с творчеством Ю. В. Жадовской, обернувшаяся открытием того, как стихотворная молитва может быть интегрирована в ритуальную сферу. В начале 1990-х гг., работая в Ленинской библиотеке в Москве, автор монографии штудировала каталог персоналий для будущей антологии стихотворной молитвы. На очереди было исследование текстов В. А. Жуковского и восстановление истории первого национального гимна России — «Боже, Царя храни!». Достав ящик с библиографическими карточками на букву «Ж», я случайно обнаружила имя на тот момент

² Скурат К. Е. Христианское учение о молитве и ее значение в деле нравственного совершенствования // Богословские труды. 1997. № 33. С. 5–62.

незнакомой мне поэтессы — Юлии Валерьяновны Жадовской. Тогда, помнится, поразило название издания — Полное собрание сочинений Ю. В. Жадовской, с припиской — «изданное ее братом»³. Ни до, ни после ничего подобного в издательской истории я не встречала. Брат поэтессы П. В. Жадовский собрал, систематизировал и издал 4 тома сочинений своей сестры — это не могло не вызвать интерес. Конечно, библиографическое описание издания было тщательно записано в лист запроса (как тогда и полагалось, в 2 экземплярах; второй писался под копирку). Когда увесистые тома были получены и положены на рабочий стол, ждал еще один сюрприз. При открытии тяжеловесной обложки первого тома книга вдруг начала преобразаться: она озарилась светящимся полукругом, подобием нимба. Свет от настольной лампы, падая на золотую парчу форзаца, создал необычный эффект — озарения. Эффект, за которым была некая история — любви и заботы брата, вложившего столько души в публикацию, лежавшую передо мной. Но истинное чудо было познано позже. Я действительно обнаружила среди опубликованных текстов стихотворные молитвы, а среди них и эту:

Мира Заступница, Матерь Всепетая!
Я пред Тобю с мольбой:
Бедную грешницу, мраком одетую,
Ты благодатью прикрой.

Если постигнут меня испытания,
Скорби, утраты, враги —
В трудный час жизни, в минуту страдания,
Ты мне, молю, помоги!

Радость духовную, жажду спасения
В сердце мое положи;
В царство небесное, в мир утешения
Путь мне прямой укажи!

«Молитва», обращенная к Божьей Матери, тут же вызвала ассоциацию с лермонтовской «Молитвой» 1837 г.:

³ Полное собрание сочинений Ю. Жадовской в четырех томах, изданное ее братом П. В. Жадовским. СПб., 1885–1886.

Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодного.

Окружи счастьем душу достойную;
Дай ей спутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.

Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную,
Ты воспрять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

Оба текста стихотворения воссоздают ритуальную ситуацию молитвы Божьей Матери. Но если у Лермонтова лирический герой, молящийся перед иконой «Теплой Заступницы мира холодного», обращает охранное слово в сферу защиты невинной девы, то у Жадовской представлен женский вариант молитвы героини о себе, бедной грешнице.

Нужно было пройти путь знакомства с лирикой Ю. В. Жадовской, чтобы позже во время фольклорных практик, проходивших в Западной Сибири в начале 2000-х гг., молитвенный текст поэтессы второй трети XIX в. открылся совершенно с новой стороны. «Молитву» Ю. В. Жадовской нам со студентами-филологами Кемеровского государственного университета суждено было исследовать как один из знаковых текстов, который в период сначала масового закрытия церквей в советское время, а позже возрождения храмостроительства был включен в домашнее и храмовое богослужение. Уникальная судьба поэтической «Молитвы» Ю. В. Жадовской дала основание исследовать молитвенную лирику поэтессы наравне с молитвами А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева и посвятить ее лирическому наследию отдельную главу.

ГЛАВА I

МОЛИТВА КАК ФЕНОМЕН РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Истории русской лирики очевиден интерес поэтов к эстетическому освоению религиозных жанров и ситуаций. И молитве в данном случае отводится едва ли не ключевая роль. Об этом свидетельствуют многочисленные названия стихотворений: цикл «молитв» А. П. Сумарокова (вторая половина XVIII в.); «Молитва о дожде» (1793) Н. М. Карамзина; «Супружняя молитва» (1803), «Две молитвы» (1826) И. И. Дмитриева; «Молитва дитяти» (1813), «Молитва Русских» (1815) В. А. Жуковского; «Молитва души» (1823) и «Молитва» (1826) Ф. Н. Глинки; «Моя молитва» (1825) и «Молитва» (1835) Н. М. Языкова; три «молитвы» (1829, 1837, 1839), «Моя мольба» (1830) и «Юнкерская молитва» (1833) М. Ю. Лермонтова; «Молитва» (1836) А. В. Кольцова; «Моя молитва» (не позднее 1833) и «Молитва» (1828) И. И. Козлова; «Молитва» (1839) В. И. Красова; «Моя молитва» (1838) Н. П. Огарева; «Молитва» (1840-е гг.) Е. А. Баратынского; «Молитва» (1843) Ап. Григорьева; «Молитва Ангелу-Хранителю» (1840), «Молитва об ополченных» (1855), «Молитва за святую Русь» (1855) Е. П. Ростопчиной и многие другие.

Для поэтов XIX в. молитвенная традиция в ее ритуальном и эстетическом (например, в парафрастических жанрах) воплощении была органичным явлением, а живое восприятие православной обрядности сосуществовало с интересом к мировым религиям. Так в русской лирике появляются «Молитва бедуина» А. Н. Майкова, «Молитва Парии» Ап. Григорьева, «Ave Maria» А. А. Фета, «Stabat Mater» В. А. Жуковского и «Stabat Mater» Л. А. Мея.

Пограничная область искусства и религии определяет особенность данного явления. Творческое восприятие религиозного события, несомненно, ориентировано на архетипный текст или ситуацию. Богообщение в его религиозном понимании преобразуется поэзией в ситуацию эстетического переживания соприкосновения с вечными ценностями, которая в разные периоды жизни поэтов может восприниматься по-разному. Юношеские эксперименты над молитвенным словом нередко сменяются напряженным диалогом с сакральным источником жизни. В зрелый период творчества обращение поэтов к молитве нередко отражает характер духовных поисков на вершине концентрации творческих сил. Охранное слово, входя в онтологическую сферу, служит своеобразным подведением итогов и определением ценностных ориентиров жизни, конечность которой осознается весьма остро. Неслучайно именно в зрелый период творчества поэты обращаются к молитве. За год до смерти перелагает великопостную молитву А. С. Пушкин. За год до смерти бросает свою «Благодарность» несовершенному миру М. Ю. Лермонтов. В период предсмертной болезни перелагает великопостный светилен Ф. И. Тютчев. Эта закономерность в судьбе русских поэтов заставляет задуматься об особой роли стихотворной молитвы в процессе самоопределения творческой личности. Примеры можно продолжить. В период одиночного заключения по делу о восстании на Сенатской площади 1825 г. обращается к молитве К. Ф. Рылеев в стихотворении «Мне тошно здесь, как на чужбине...», и, возможно предчувствуя исход следствия, незадолго до казни он напишет «Благий Отец! Се час приходит мой!». Перед смертью создает «Молитву» разбитый параличом И. И. Козлов. «Последним звуком его арфы» назовет это стихотворение В. А. Жуковский¹.

Но не стоит идеализировать ситуацию. Русской лирике известен и обратный процесс освоения молитвенного дискурса: от сакрального к кощунственному. Это происходит, например, в творчестве Н. П. Огарева. «Молитвой русского чиновника богородице» он шокировал даже своего корреспондента А. И. Герцена, который

¹ Жуковский В. А. О стихотворениях И. И. Козлова // Современник. 1840. № 2. Т. XVIII. С. 86.

писал 54-летнему поэту: «Молитву получил. Конечно, смешно — но *perchè?* То есть как Талейрана спрашивали: “*Mais que gagnes-tu à cela?*” — нов будет старый напев, а мотив и пародия не новы. Мне кажется, это не наш род — и не наш аж»². Как оказалось, возраст не помеха; последняя «молитва» («Лишай») об исчезновении из мира Бога будет написана тогда, когда ее создателю уже за шестьдесят. Саркастическое восприятие молитвенной проблематики связано не только с атеистическими тенденциями времени, но и с настроением Огарева последних лет эмиграции — кощунственное искажение молитвенного канона превращается в вызов нацио-нальной идее, возможно, это счеты эмигранта со своим прошлым.

Едва ли не каждая поэтическая «молитва» концентрирует в себе определенный этап духовного самосознания поэта, когда творческий дар, поэтическое искусство находят воплощение в универсальной модели мировидения. Эти тексты единичны, чаще всего их не так много в контексте конкретной художественной системы; судьба многих из них таит в себе много загадок.

В христианской традиции молитва характеризуется как *вознесение души и сердца к Богу*. Рождаясь в медитативном переживании своего будущего, будущего своих близких и всего мира, она дарует надежду на лучшее, приглушая боль и страдания. Закрепившись в ритуальной практике молитвословия, охранное слово и охранный дискурс оказали значительное воздействие на русскую и мировую культуру, в частности на русскую поэзию, восприимчивую к самым важным фрагментам «истории души человеческой». Перейдя в литературную сферу, поэтическое богообщение начинает жить по эстетическим законам, отражая религиозно-философские, культурно-исторические или мистические аспекты авторского мировосприятия.

Очевидным является активное освоение молитвенного слова русской лирикой XIX в., которая становится частью общекультурного процесса репрезентации сакрально-религиозной модели мировидения во внеритуальной сфере. Молитвенный дискурс между тем утверждается и в дидактической практике и, более

² Огарев Н. П. Стихотворения и поэмы. Л., 1956. С. 834.

того, становится сакральным кодом российской государственности. В первом случае речь идет о религиозно-дидактической основе азбучной молитвы, во втором — о природе первого государственного гимна России «Боже, Царя храни!». Сначала обратимся к проблеме молитвенной дидактики.

В 1825 г. М. П. Погодин опубликовал текст азбучной молитвы по списку Хронографа 1494 г.³ Позже будет обнаружен более ранний список (XII–XIII вв.), приписываемый Константину Философу. Уникальный памятник литературы запечатлел органичное слияние двух важнейших моментов русской истории: утверждение православия и возникновение славянской письменности. Болгарский источник прошел быструю адаптацию на русской почве. Молитва Богу, творимая с помощью наглядного вхождения в азбучный микромир, моделирует макрокосм словесного служения «Альфе и Омеге, началу и концу всего» (Откр. 1.8,10). Каждый стих азбучной молитвы начинался с новой строки буквой, выполненной киноварью, конец строки отмечался крестообразно расположенными точками и знаком в виде перевернутой запятой. Азбучный акrostих — основной стихообразующий фактор для этого произведения⁴, он удобен для учебных целей, способствуя осознанному запоминанию азбучной системы:

Азь словомь симь молюся Богу:
 Боже всься твари и зиждителя
 Видимымь и невидимымь!
 Господа Духа посьли живущаго
 Да въдъхнет въ сьрдце мислово
 Еже будеть на успехь вьсемь
 Живущимь въ заповедехъ ти...

В азбучной молитве проявлены разные ипостасные сущности слова-логоса. Это Слово — Бог и ожившее азбучное Слово; Слово

³ Зыков Э. Г. Судьба «Азбучной молитвы» в древнерусской письменности // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. XXVI. С. 176–191; Кувев К. М. Азбучная молитва в славянских литературе. София, 1974.

⁴ Федотов О. И. Основы русского стихосложения. Метрика и ритмика: Учебн. пос. М., 1997. С. 83–85.

евангельское, рожденное Духом Божественным, и Слово-свет, светильник жизни; Слово произнесенное и написанное, просящее и возносящее хвалу, данное и даруемое... Молитва, сотворенная азбукой, может быть прочитана как по вертикали, так и по горизонтали, воспроизводя форму креста. Азбучные наименования букв, как показала Л. В. Савельева, связаны между собой в проповеднический свертхтекст об основах христианского вероучения, возможностях познания мира и самопознания⁵.

Азбучная молитва имеет двойную установку: воспитание духа и воспитание ума. Учительная функция для нее была настолько значима, что могла превалировать над религиозной. Но тот факт, что для дидактических целей использовалась именно молитвенная форма, во многом определяет философию древнерусской дидактики. Первые шаги приобщения к учительному слову формировали сакральный ориентир духовных поисков человека, постигающего азы грамоты.

Еще одним примером расширения возможностей охранного дискурса служит история первого национального гимна России, передающего дух эпохи, ее ценностную доминанту. Только в 1833 г. у монархической страны появляется первая музыкальная эмблема государственного масштаба. «Боже, Царя храни!» — эта молитвенная формула была особым образом осмыслена в культурном контексте XIX — XX вв. Множество подражаний и пародий на «Молитву Русского народа» — лишь одна из сторон ее необыкновенной популярности и светской репрезентации. Молитвенному дискурсу национального гимна царской России посвящена специальная глава данной монографии.

История азбучной молитвы и история национального гимна России свидетельствуют о многоаспектной интеграции молитвенного архетипа в русскую культуру. Обращение к исследованию поэтики стихотворной молитвы позволяет сформировать представление о характере духовной эволюции русских поэтов, а в более обширном контексте — эволюции национального духовно-религиозного

⁵ Савельева Л. В. Славянская азбука // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Петрозаводск, 1994. С. 12–31.